

М. П. Погодин

Вечера у Ивана Ивановича Дмитриева

И. И. Дмитриев. Сочинения

М., "Правда", 1986

Составление и комментарии А. М. Пескова и И. З. Сурат

Вступительная статья А. М. Пескова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Дмитриев, один из преобразователей русского стихотворного языка, поэт примечательный, друг Карамзина, указавший ему поприще словесности (и также Крылову), покровитель Жуковского, Дашкова, Блудова, сердечно преданный князю Вяземскому, провел последние годы своей жизни в Москве. В доме у него собирались все литераторы. Приезжие из Петербурга считали обязанностью засвидетельствовать ему свое почтение. Он был очень гостеприимен. Молодые люди, показавшие расположение к словесности, имели к нему доступ и находили покровительство. Я просил его переслать посвящение первого историко-критического рассуждения моего о происхождении Руси Н. М. Карамзину, и он взялся с удовольствием и недели через две доставил мне одобрительный отзыв знаменитого историографа. Являясь иногда по вечерам в гостиной Дмитриева и слушая его живые, остроумные рассказы, не без примеси желчи, я вздумал их записывать, но перестал вскоре, узнав, что у Дмитриева есть свои записки. Я подумал, что, верно, все рассказы найдутся в его сочинении. После раскаялся, потому что записки Ив<ана> Из<ановича> при всем их достоинстве слишком сжаты, кратки и сдержанны.

В 1828 году я лишился благосклонности Дмитриева за помещение в "Московском вестнике" замечаний Арцыбашева на "Историю" Карамзина. В дом к нему, разумеется, я не смел уже показываться, и только через несколько лет, когда впечатления изгладились, я был принят и в последнее время был даже ласкаем. Он часто говорил мне об обязанности написать похвальное слово Карамзину и взял с меня честное слово, о котором напомнил даже во время внезапной болезни, перед кончиною (1837). В последние дни я был у него беспрестанное. <...>

Печатаю свои заметки, сколько их осталось: может быть, старикам приятно будет встретиться здесь с некоторыми именами или мыслями.

(Для молодых поколений замечу, что И. И. Дмитриев был очень высокого роста, немного кос, осанку и походку имел важную, говорил протяжно и если рассказывал что стоя, то обыкновенно делал перед вами по два или три шага вперед и назад).

1826 года, марта 11-го.

-- Не стыдно ли, что у нас до сих пор так мало переводов,-- из Робертсона, например, мы имеем одно предисловие, и то каким-то попом переведенное. Наши поэты пишут только послания к Алиам, томов боятся, а если и удастся написать страничку прозы, то они сами себе удивляются, как будто на аршин выросли, и радуются, подобно мольерову мещанину во дворянстве, узнавшему, что он говорит прозою. Прежде было в этом отношении лучше: сколько переведено из древних при Екатерине! Был какой-то вкус. Редкую книгу, бывало, не переведут, например, о заговоре Испании против Венецианской республики, и пр. и пр. У нас отговариваются теперь иные тем, что читать некому. Да кто же тогда читал?

-- Прадедушка мой, дедушка, батюшка, все были охотники до чтения, и от всех остались собрания книг... Любопытно сравнивать их.

-- Я брал читать книги у одного купца Мясникова, тестя моего дяди. Этот купец, разбогатев от заводов, заказал здесь купить себе дом, официантов, дворецких и явился в столице. Он почел нужным завести у себя библиотеку, и ему доставлялись все вновь выходившие книги в Москве и Петербурге. Еще брал я читать книги у купца Седова.

-- Я знал многих купцов,-- и где же? в Симбирске, Сызрани -- у коих были библиотеки. Правду сказать, что это звание было тогда, мне кажется, образованнее. Дворяне были ближе к ним, живя много по деревням, и они перенимали у первых. Многих также видал я и в Сызрани, во французских кафтанах с кошельками.

-- Бывало, придут к батюшке, переоденутся у управителя и явятся... Дети их уже стали хуже,